Владиміръ Смоленскій

Стихи

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА СТИХОВ

ТОГО ЖЕ АВТОРА

ЗАКАТ. Издательство Я. Поволоцкий и К°. Париж, 1931 (распродано).

НАЕДИНЕ. Вторая книга стихов. Издательство «Современные Записки» Париж, 1938 (распродано).

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ (Закат. Наедине. Счастье). Париж, 1957.

ВЛАДИМИР СМОЛЕНСКИЙ

СТИХИ

1957—1961

ПАРИЖ
1963

Звук предшествует Слову,
Как Иоанн Предтеча Христу.
Звук друг Смысла,
Как Иоанн друг Жениха.

Горит зеленая звезда
— У Божьего подножья —
Горит, и канет без следа...
Я раньше кану тоже.

Как странно, что звезда и я
— У Божьего подножья —
В различных сферах бытия
Почти одно и то же.

Все проходит, легкой струйкой дыма
Поднимается в незримый свет...
Но тоска моя непроходима,
Лес дремуч, и потерялся след.

Может быть тоски уже не будет
В сердце, возвратившемся во прах,
Но вовек тоска моя пребудет
В на земле оставшихся стихах.

Заблудившееся в этом мире,
Вдохновенье горькое мое,
В сладких звуках, в беспощадной лире,
Позднее познает бытие.

Любовь, любовь. — Как будто в райском сне
Своей судьбы ты ждешь преображенья,
Но вся любовь твоя, мой друг, ко мне,
Вот этих рук не остановит тленья.

Но в тлении нетленное любя,
В бессилии, в слезах, в глубинах мрака,
Ты с глаз, уже не видящих тебя,
Сотрешь слезу, чтоб больше я не плакал.

Я любил на земле Свободу,
Одиночество и стихи,
Голубую в озерах воду,
Изумрудные в скалах мхи.

Я любил в небесах бездонных
Ледяное сияние звезд,
Нищих, изгнанных, оскорбленных
Я любил, и неслышный рост

И цветение белой розы,
Что цвела под моим окном,
И незримые миру слезы,
И мой разрушенный дом.

И вот — Свобода, как знамя,
Была мне дана, и над ней
Одиночества тихое пламя
Сияет в венце лучей.

А стихи... сколько раз я плакал,
Ничего не умел, не знал,
Но свет из звездного мрака
На мою строку упадал.

И волны меня обнимали,
И скалы альпийские жгли,
И нищие целовали,
И розы у окон цвели.

Вот Бога великая щедрость!
На любовь Он мне дал в ответ
— И в награду — такую бедность,
Богаче которой нет.

Памяти Нины Фрид

Ты склонила мертвую головку
— Жизнь и смерть остались позади —
И уже по-ангельски, неловко,
Ты сложила руки на груди.

Ряд кроватей, страшный запах морга,
Сумрак, что затмил твою зарю...
Я сквозь слезы горя и восторга
На тебя нездешнюю смотрю.

Почему ты кажешься нетленной,
Мертвая лежа средь мертвецов,
Почему мне стало несомненно
То, что выше разума и слов?

Несомненно — в незакатном свете,
— Наяву, а не во сне! —
Ты ко мне протянешь ручки эти
И как прежде улыбнешься мне.

Несомненно — смертное томленье,
Слабым криком искаженный рот,
Были лишь началом воскресенья,
К вечности тяжелый перелет.

Вот крылами прорастают плечи,
Под больничной серой простыней...
Дай тебя я перед вечной встречей
В лобик поцелую ледяной.

Все мы пред тобою виноваты,
Все мы слепы, глухи и грешны,
Всем нам нет прощенья, нет возврата
— Но тобой мы будем прощены.

1942

Голубые горы в тумане,
Розоватая мгла зари...
Душа никогда не устанет
Смотреть — и еще смотри —

На это дикое чудо,
На эту земную плоть,
Которую светом оттуда
Благословляет Господь.

По этим предгорьям ходила когда-то Жанна
И слышала голоса...
Все в мире чудесно, таинственно, дико и странно,
Вот как этой зари сейчас несказанна
Кровавая полоса.

Георгию Иванову

Умер друг — не плачь, душа, не надо...
Умер друг — но почему ж я плачу?
Ничего не знаю я, не значу
В тайнах смерти, жизни, рая, ада...

Почему твоей руки из воска
Мертвой, вечной, страшной не коснуться?
Ты мечтал — Империя, березка...
Но мечтам к могиле не вернуться.

Помнишь, говорил мне: «Здравствуй, Коша»,
Пил со мной из одного стакана,
Тяжела была земная ноша,
Горек хлеб, неисцелима рана...

Господи, не надо смрадной гнили,
Тяжести, безумия, сомненья:
Знаю — нет тебя в твоей могиле,
Верю в славу, вечность, воскресенье.

Помолчи, все это очень просто —
Жизнь и смерть — струна что рвется в лире,
Крест на дальнем, как мечта, погосте,
И звезда, горящая в эфире.

Г. И.

Тихо, тихо тает высь...
Помолчи и помолись.

У кладбищенских ворот
Молча воскресенья ждет

Друг, его похорони,
Голову пред ним склони,

Помолись о том, чтоб он,
В вечности преображен,

Вспоминая и любя,
Помолился за тебя.

Я вижу — Муза стоит надо мной в слезах:
«Ты знаешь, что все на земле нищета и прах,

Ты знаешь, что все навсегда на земле умрет,
Что в дикой улыбке безмолвный застынет рот,

Что не знаешь ты ничего о душе своей,
О загробном безмолвье, о страшной стране теней.

Ты все это знаешь — всю эту правду иль ложь,
Но все же порою ты песни сквозь слезы поешь.

Пусть жизнь безнадежна твоя и страшна и пуста,
Но ты иногда целуешь меня в уста».

Подымись — если можешь, — взлети,
Все преграды разбей на пути,
Разбивай их рукой иль крылом,
До вершины прорвись напролом
— Над вершиною небо опять, —
Но уже не воротишься вспять.

Опустись — если можешь, — пади,
Станет пусто и тихо в груди,
Будет боль на мгновенье одно,
Будет черное гладкое дно,
Об него ты преткнешься пятой —
Но потом будет вечный покой.

Борису Пастернаку

Товарищу, горящему в ночи
Печальным и единственным сияньем...
Железный занавес твои лучи
Смогли пробить. Какая мощь страданья!

Какая безысходная тщета
В твоем, тобой любимом Подмосковье!
Но с дачи подмосковной, как с креста,
Стекает боль мечтою и любовью.

Товарищу... О, как бы я хотел
Сказать — мой друг. Но это так опасно!
Моя любовь тебе плохой удел,
Я не хочу, чтоб ты страдал напрасно.

Достаточно твоих страданий, друг.
Они равны твоей всемирной славе,
Ты посмотри, какая ложь вокруг,
Какое зло твоей Россией правит.

Господь с тобой. Страдай, мечтай, владей
Почти нечеловеческою силой
Писать о жизни, о сестре твоей,
Над братскою бескрестною могилой.

Над рукописью небывалой
Поэт склоняется челом,
А сердце расцветает алым,
Колючим огненным кустом.

Он то шипами, то цветеньем
Касается груди его,
Рождая боль и восхищенье,
Отчаянье и торжество.

Изнемогая в сладкой муке,
В груди превозмогая стон,
На сжатые бессильно руки
Склоняется все ниже он.

Небесный цвет не воплотится —
Но отражение легло
На затемненную страницу,
На просветленное чело...

Никогда со мною ты не будешь,
Даже в смертный час, в последнем вздохе.
Как живого, мертвого забудешь;
Имя славой, а могила мохом

Прорастут, а ты все будешь где-то
В пустоте, безмолвии, незнанье...
Счастьем не смогла ты стать поэта,
Все ж смогла ты стать его страданьем.

Ты молчишь. Безмолвной пустотою
На мое ты отвечаешь слово.
Любишь ты любовию простою
Смертного, счастливого, немого.

Я не смертен, я несчастен, голос
Мой летит к тебе, но даже эха
Нет в ответ — и счастье раскололось —
В скалах ни рыдания, ни смеха.

Тишина. Но смутное виденье
Все ведет меня по струнам звука.
И звучат, уже в преображенье,
Смерть как жизнь, и счастие как мука.

Это все любовь. В какие бездны,
На какие страшные высоты,
Силой этой рифмы бесполезной
Долетят тяжелые полеты.

Страхом, грязью и кровью
— Боже мой, почему —
Что мне делать с любовью,
Как прорваться сквозь тьму?

Что мне делать с душою,
Что замучили вы
Ненавистью — и какою! —
Так плененные львы,

Так Иванов на юге,
Так на севере Блок,
Так и мне на досуге
Этот страшный стишок.

Не прощаю — простите —
Не прощу никогда...
Улетайте, летите
Эти строки туда,

Где и христопродавец
(Грязь и кровь на снегу),
Где последний мерзавец...
— О, прости, не могу...

В центре страшного круга,
Крест сжимая в руке...
В губы — мертвого друга,
А врага — по щеке.

Для греха, страдания и смерти
Я родился на земле унылой,
И торчат года мои, как жерди,
Между колыбелью и могилой.

Оглянулся — сколько их в пустыне
Мутной моего воспоминанья:
Зло, тоска, беспомощность, гордыня,
Страшные надежды и мечтанья.

Впереди еще страшней, быть может.
Видишь, крест чернеет на погосте —
Это твой. И червь в могиле гложет
Добела обглоданные кости.

Червь небытия и сладострастья...
Или мне все это только снится?
Боже мой, я должен был родиться
Для бессмертья, святости и счастья.

В обещанье Божьем нет обмана —
Почему же, что ж это такое?...
Сердце у меня сплошная рана,
А над раной небо голубое.

Играй, играй, цыган проклятый,
Пой, неизбывная тоска,
Стакан вина, в руке зажатый,
Сияет и дрожит слегка.

Гитары томные напевы
И голос Маши неземной...
Друг или враг, садись со мной
И пей, и слушай голос девы.

И знай, что на путях земных
Бывают странные свиданья,
И прозревай миров иных
Вот в этом кабаке сиянье.

Так до конца идти не перестану
В недоуменье, из последних сил,
Когда-нибудь прилягу и не встану,
И даже не пойму зачем я жил.

Прибавится морщин на лбу высоком
Больного друга, и у глаз жены,
Останутся оборванные строки
Моих стихов — кому они нужны?

И это все. Так страшно и так мало.
В такой тоске прожить так много лет!
Какой бессмысленный и жалкий бред...
О как душа бездомная устала!

Ничего не хотеть, ни о чем не жалеть,
Лечь на землю и в черное небо глядеть.
Встала в небе луна и ушла.
Мир уснул, и лягушка рыдает вдали,
Легким инеем звезды на землю легли...
Ты на сердце мне камнем легла.

СОЛНЦЕ

Таисии Смоленской

Оно похоже на лицо японца,
Расплавленное в адовом огне...
Я не люблю полуденного солнца,
Оно томит и жалит сердце мне.

Люблю закат, его очарованье,
Преддверье надвигающейся тьмы,
Он в красоте сгорает и в страданье,
В сиянье полусвета, полутьмы.

И два луча с небес к земле срываясь
— Кроваво-красный, темно-голубой, —
Не разделяясь, не соединяясь,
Как ты со мною и как я с тобой.

1959

В Вифлееме Младенец родился —
Много прошло веков.
Где звезда, что вела Волхвов?
Где пастух, что у яслей молился?

...Когда поймешь, что все на свете ложь, —
Лишь смертная правдива в муке дрожь, —
Что мертвый лик воистину красив,
Что только мертвый рот красноречив,
Тогда ты замолчишь и будешь ждать,
Чтоб смерть сняла с молчащих губ печать.

Когда останусь совсем один —
Покинут меня и жена, и сын,
Друг отвернется, товарищ предаст,
На расстрел Россия меня отдаст
И в глазах уже больше не будет слез
— Я увижу крест, на кресте Христос.

Он пробитую руку от креста оторвет,
Чтоб коснуться моей груди,
И опять тот же гвоздь Его руку пробьет,
Для тех, кто еще впереди,
Для тех, чьи сердца в слезах и огне.
И никто уж не сделает больно мне.

ЭЛЕГИЯ

Еще я продолжаю жить
Безумно и однообразно,
Еще, скользя, не рвется нить
Меж пальцев парки безобразной.

Еще я кое-что люблю
И иногда еще мечтаю,
Работаю, гуляю, сплю
И книги иногда читаю.

Но что-то в самой глубине
Во мне прошло иль изменилось,
На жизни медленном огне
Сгорело и испепелилось.

И будто сам себе чужой
Смотрю, почти без содроганья,
На потемневший образ мой
И слышу парки бормотанье.

Н. М. Твардовской

Черное море шумит у пустых берегов,
Темные волны летят на высокие скалы,
На берегу остановится путник усталый,
Смотрит на волны, на мутные гребни валов.

Капли соленые тихо плывут по лицу —
Так же как я, ты бессильна, слепая стихия,
Так же как я, ты в пучины вернешься глухие,
Грозное море, и ты возвратишься к концу.

РОССИИ

Ты мне нужна, как ночь для снов,
Как сила для удара,
Как вдохновенье для стихов,
Как искра для пожара.

Ты мне нужна, как для струны
Руки прикосновенье,
Как высота для крутизны,
Как бездна для паденья.

Так для корней нужна земля,
А солнце для лазури,
Ты мне нужна, как воздух для
В громах летящей бури,

Нужна как горло соловью,
Как меч и щит герою,
Нужна в аду, нужна в раю, —
Но нет тебя со мною.

И не прощенно, не раскаянно,
В гордыне, ужасе и зле
И в страхе бродит племя Каина
По русской авельской земле.

Ирине Туроверовой

А у нас на Дону
Ветер гонит волну
Из глубин голубых в вышину,
И срываясь с высот,
Он над степью плывет,
И тогда степь как лира поет.

И выходит казак,
На порог, на большак,
В всероссийский безвыходный мрак.
Сердце в смертной тоске,
Сабля в мертвой руке
И кацапская пуля в виске.

Средь цветущих садов
Бедный рыцарский кров,
Подожженный руками рабов,
Полыхает в ночи,
Отзвенели мечи,
Замутились донские ключи.

Но подобный орлу,
Прорываясь сквозь мглу,
Не подвластный ни страху, ни злу —
Медный крест на груди —
Дон в крови позади,
Дон небесный еще впереди.

Живем томительно, в труде и скуке,
Таим надежду и не верим ей,
И все бессильней опускаем руки
И любим безнадежней и сильней.

И сердце тяжелеет год от году.
Мы стали проще, злее и скупей,
Мы щедро заплатили за свободу,
Но разве знаем мы, что делать с ней?

И мы поймем бессмысленность мечтанья —
Нам нет спасенья и прощенья нет.
Томительный и жалкий звездный свет
Не нужен в темноте существованья.

Когда-то ты писал стихи,
В их призрачную силу верил,
Безумье, святость и грехи
Ты Словом взвешивал и мерил.

Ты мог услышать звон звезды,
Увидеть, глаз не открывая,
И ада огненные льды
И тихие долины рая.

И на оборванном листке
Души записывая пенье,
Ты верил, что в твоей руке
Бессмертье и преображенье.

И как бы ни томился ты
В безвыходной земной печали —
Утешься! И твои мечты
Земную жизнь преображали.

СЛОВО

Б. К. Зайцеву

Оно сияло от века,
До века его звучанье,
На немых губах человека
Возникло оно из молчанья.

От начала первого звука
До дантовского сонета,
Какое усилье и мука —
Волны мрака и света.

От темного косноязычья
До лермонтовского пенья,
Какое было величье,
Вдохновенье, воля, терпенье.

Торжествуя, падая снова,
Пробиваясь к новому в старом...
— И это страшное слово
Тебе отдается даром.

Оно то громче то тише
Губы твои обжигает —
А голубь воркует в нише,
Ничего о слове не знает.

Таисии Смоленской

1

Есть черной стрелой в поднебесье подбитая птица,
Есть мутная тень, что ночами бессонными снится.
Есть дьявол, есть гибель, есть сердце, что в
гибели стынет.
Глаза голубые, что плачут в больничной пустыне.
Есть легкое тело, лежащее в тяжком страданье.
Есть свет, что сияет в бессмертии воспоминаний,
Есть сердце, что бьется и стонет в безумном
усилье,
О, взмах белоснежных, — уставших, страдающих
крыльев!
О, бедная Тася, ты плачешь, ты любишь страдая,
Дай в вечности губы, мой ангел, моя дорогая.
Да будет за все, за страданье, за гибель награда —
Бессмертье с тобой — мне иного бессмертья
не надо.
Слышишь, Тася — любовь — что поет до скон-
чания мира
Перерезанным горлом и полуразбитою лирой.

1960

2

Перерезали горло,
Бьют в несчастное сердце,
Душат бедную душу мою,
— Нету рифмы на сердце,
Нету рифмы на горло,
Но я все же пою и люблю.

Дай мне, Господи, силы,
Дай мне, Господи, слабость,
Чтобы ясно и просто сказать
— У преддверья могилы —
Что бессмертье и радость
У любви никому не отнять.

НЕПРАВИЛЬНЫЕ РИТМЫ

Выйди в полночь в цветущий сад
— Жить когда уже не стало мочи —
Звонко созвездия зазвучат
В гулких глубинах ночи.

И в сердце — в мечтаньях твоих ночных,
Летя, блистая крылами,
Зазвучит, еле внятно, чуть слышный стих
Еще немыми словами.

Но вот все яснее слова звучат,
Все явственней, все нездешней.
Выйди в полночь в цветущий сад,
Звезды все ярче, ночь все кромешней.

Какая-то любовь не удалась
И не сбылась какая-то надежда,
В окне туман и на панели грязь,
А в книге мысль ученого невежды.

Брось книгу на пол, отвернись к стене,
И чувствуя тоску и холод в теле,
Уже сквозь сон, подумай о весне,
Которая придет в конце апреля.

Ты будешь ли еще смотреть в окно,
Иль будешь ты уже лежать в могиле, —
Участвовать ты будешь все равно
В ее красе и радости и силе.

ДИАЛОГИ

1

Обглоданные нищетой старухи,
Забитые нуждою старики,
Уроды идиоты, потаскухи,
Калеки без ноги и без руки

Тебя несчастней во сто крат, быть может,
Не во сто крат, ну скажем, раза в два,
Тоска, что сердце им, несчастным, гложет,
Коснулась сердца твоего едва.

Их боль сильней, неизлечимей раны,
Быстрей их жизни оборвется нить.
Благодари же Бога! — Друг, мне странно
За боль мою Его благодарить.

2

— Вот осталось мало жить,
Не о чем тебе тужить, —
Прожил жизнь и слава Богу.
Что ж ты накопил в дорогу?
Что же ты с собой возьмешь?
Что в бессмертье донесешь?

«Я возьму любовь и веру
И стихи». — Оставь, не в меру
Ты берешь! — стихи оставь.
Пусть среди людей и трав,
Радуясь, изнемогая,
Смерть твою превозмогая,
Пусть они живут мечтаньем,
О тебе воспоминаньем.

Между жизнью и смертью прослойка —
Ледяная больничная койка.

Капельки крови и гноя,
Бытие почти неземное.

Исчезло уже страданье,
Бытие почти как мечтанье.

И победное смерти жало —
Не конец уже, а начало.

1961

Какое сердце, душа какая!
А умирает один, икая.

Как безобразна, невероятна
Смерть, и какие на смерти пятна!

Но не надо верить ни цвету, ни звуку,
Надо прорваться сквозь эту муку.

Слышишь сквозь стон неземное звучанье?
Видишь, сквозь язвы брезжит сиянье?

На смерть Бориса Поплавского

Ты умер. А все как было,
Как будет во веки веков.
Как медленно сердце стыло,
Как землю душа любила,
Земной покидая кров,

Как судорогой невыносимой
Пересохший сводило рот...
Слетают к тебе серафимы,
А друг твой твоей любимой
Рассказывает анекдот.

Слетают к тебе надежды,
Не сбывшиеся на земле.
Смерть смыкает усталые вежды.
Как тускло твои одежды
Сияют в предвечной мгле.

Теперь ты все понял, все знаешь.
Теперь уже боль прошла.
Ты облаком легким таешь,
Ты синим огнем истлеваешь,
Ты два раскрываешь крыла.

Прости (ты теперь все можешь),
Что в эту долгую ночь
К тебе не пришел я тоже,
К твоему не склонился ложу
И ничем не сумел помочь.

Ты знаешь: мы все одиноки,
Каждый в своей судьбе.
Друг мой ласковый, друг мой далекий,
Прими эти бедные строки,
Последний привет тебе.

1935

Я слишком поздно вышел на свиданье —
Все ближе ночь и весь в крови закат,
Темна тропа надежд, любви, мечтаний,
Ночь все черней путь не вернуть назад.

Я заблудился в этом мраке душном,
Глаза открыты — не видать ни зги,
Кружит звезда в эфире безвоздушном,
О Господи Распятый, помоги!

Я стал немым, но лира плачет в мире,
О Господи, дай смерть такую, чтоб
В гробовой тьме я прикасался к лире,
Чтоб лирой стал меня объявший гроб.

...Но нет его, небесного свиданья,
В котором ты и я — уже одно.
Ты видишь, в глубине темнеет дно
И вот уже настало расставанье.

О гибели страны единственной,
О гибели ее души,
О сверхлюбимой, сверхъединственной
В свой час предсмертный напиши.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Imprimerie ALON
35, rue de la Harpe - Paris 5e